

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

I

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1940 ЛЕНИНГРАД

А. Н. БЕРНШТАМ

ИЗ ИСТОРИИ ГУННОВ I В. ДО Н. Э.

ХУ-ХАНЬ-Е и ЧЖИ-ЧЖИ ШАНЬЮИ

I

В истории гуннского племенного союза имена гуннских вождей Ху-хань-е и Чжи-чжи едва ли менее значительны, чем прогремевшее во всем мире имя блистательного полководца и «собирателя» кочевых племен Центральной Азии, завоевателя огромных территориальных пространств на Востоке, в том числе и Китая, — Мао-дуня шаньюя.¹

С именами Ху-хань-е и Чжи-чжи более всего связано крупнейшее событие в истории кочевых племен Центральной Азии: разделение гуннского племенного союза на две части — на южных и северных гуннов.

Несомненно, что это событие большого исторического масштаба дало существенные плоды в размещении разнообразных этнических племен гуннского племенного союза. Оно также связано с проникновением на территорию Советского Союза новых этнических групп и является результатом исключительно серьезных переворотов в экономике и социальном строе самих гуннов.

Традиционным недостатком (одним из многих) существующих работ по истории Китая является то, что история последнего, как правило, рассматривается вне связи с историей окружающих его варварских племен.

Эта традиция идет от первых миссионеров и ученых типа J. Klaproth² и Abel Rémusat;³ достаточно ярко выражена она и у G. Maspero,⁴ M. Granet,⁵ R. Grousset,⁶ H. Cordier,⁷ O. Franke⁸ и др., трудами которых так

¹ О гуннах вообще и шаньюе Мао-дуне литература огромна. Основные переводы источников см.: И. Бичурин. Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. СПб., 1851. — De Groot. Die Hunnen der vorchristlichen Zeit. Chinesische Urkunden zur Geschichte Asiens. Berlin—Leipzig, 1921—1926. — См. рецензию на работу De Groot'a: E. von Zach. Einige Verbesserungen zu De Groot, Die Hunnen der vorchristlichen Zeit. Asia Major, Bd. I, v. 1, январь, 1924, стр. 125—133. — По поводу транскрипции Groot'a Zach заявляет: «Die Transcriptionen sind wertlos, häufig geradezu falsch» (стр. 133). Много специальных работ посвятил, в частности, Мао-дуню F. Hirth. О них см. в нашей работе «Очерк истории гуннов». Там же см. о Мао-дуне шаньюе.

² J. Klaproth. Tableaux historiques de l'Asie. Paris. 1826.

³ Abel Rémusat. Recherches sur les langues tartares. Paris, 1820.

⁴ G. Maspero. La Chine, t. I. Paris, 1925.

⁵ M. Granet. La civilisation chinoise. Paris, 1929; цитирую здесь и далее по английскому переводу — «Chinese civilization» (London, 1930).

⁶ R. Grousset. Histoire de l'Extrême Orient. Paris, 1929.

⁷ H. Cordier. Histoire générale de la Chine et de ses relations avec les pays étrangers, t. I. Paris, 1920.

⁸ O. Franke. Geschichte des Chinesischen Reiches. Berlin—Leipzig, Bd. I, 1930; Bd. II, 1936.

широко пользуются историки Центральной Азии. Характерно, что многие из них были или являются в какой-то степени историками не только Китая, но и Центральной Азии, не только описывали или изучали Китай ханьской эпохи, но и гуннов Центральной Азии. Укажем в этом отношении, напр., на О. Franke, с работами которого мы столкнемся ниже.¹

Замечание К. Маркса в письме к Ф. Энгельсу, от 2 июня 1853 г., в котором он говорит: «У всех восточных народов можно, с тех пор как этот процесс происходит, установить о б щ е е взаимоотношение между оседлостью одной части этих племен и продолжающимся кочевничеством другой части»,² равно как и ряд других высказываний классиков марксизма — ленинизма по вопросу об истории кочевых народов заставляют иначе подойти и к истории гуннов, беря их не изолированно, а в связи с историей Китая.

II

Период в истории гуннов, который мы намереваемся разобрать, является логическим завершением ряда социальных преобразований, которые претерпевал гуннский племенной союз с начала своего расцвета, т. е. с шаньюя Мао-дуня, с конца III в. до н. э.³

Гуннский племенной союз, ядро которого занимало примерно территорию современной Монголии, а сфера власти выходила далеко за указанную территорию как на востоке, так и на западе, захватывая в разные времена Маньчжурию, Сибирь, Восточный Туркестан и Среднюю Азию, представлял собой «варварскую» периферию Китая.⁴

¹ О. F r a n k e. Beiträge aus chinesischen Quellen zur Kenntnis der Türkvölker und Skythen Zentralasiens. Berlin, 1904. — E. P a r k e r. The Turco-Skythian Tribes. China Review, tt. XX—XXV. — Ср.: ег о ж е, A thousand years of the Tartars. Shanghai, 1895. — В таком же положении Wylie, Hirth и др.; ср. напр.: W y l i e. History of the Heng-Noo in their Relations with China (отд. отт.), перевод главы из Цянь Хань шу.

² К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Соч., т. XXI, стр. 488.

³ Комментатор Цянь Хань шу Янь Ши-гу сообщает, что иероглифы 冒頓 читаются как «Мо-ду» 墨毒. Groot принимает транскрипцию «Мао Дунь». Ср. его «Chinesischer Purismus bezüglich einiger Fremdnamen». Festschrift für F. Hirth, Berlin, 1920, стр. 137. F. Hirth сближает это с китайской транскрипцией тюркского слова «bayadur». См. его «Sinologische Beiträge zur Geschichte der Türkvölker. I. Die Ahnentafel Attila's nach Johannes von Thurocz» (Изв. Акад. Наук, т. XIII, № 2, 1900). Возражения см. в «Asia Major», т. II, вып. 2, 1925, стр. 301. Год рождения Мао-дуня неизвестен. Он вступил на престол в 206 г. (?), умер в 174 г. до н. э.

⁴ На всех китайских картах гунны располагаются по северу Китая. В Цзинь шу 晉書 говорится, что «Сюннская земля на юге соединяется с уделами Янь и Чжао, на севере с Шамо, на востоке примыкает к северным, на западе достигает до шести жун'ских [родов] 匈奴地南接燕趙.北暨沙漠東連北夷.西距六世.» (гл. 97, стр. 12 v). На карте периода Вэй, относящейся к 440 г. н. э. 魏西域圖 Вэй си юй ту 'Карта западных областей дин. Вэй', изданной Albert Herrmann'ом в статье «Die ältesten chinesischen Karten von Zentral- und Westasien» (Festschrift für Friedrich Hirth, Berlin, 1920, стр. 185—198), территория гуннов занята жуань-жуанями, в свою очередь являвшимися северо-восточными соседями племен Восточного Туркестана и тьяньшаньских усуней. На карте 隋西域圖 Суй си юй ту 'Карта западных областей дин. Суй' территория жуань-жуаней занята теля и западными тюрками. Эти карты, как утверждает А. Herrmann, говорят уже о научной картографии в Китае и больших успехах в этом деле, начатом еще с Хань (там же, стр. 193). Таким образом это наиболее старые и точные указания о местонахождении гуннов. Любопытные данные приводит в своей статье и Ed. Chavannes (Les deux plus anciens spécimens de la cartographie chinoise. Bulletin de l'Ecole Française d'Extrême Orient, 1903, t. III, № 2). Он издал в своей статье две карты, выгравированные на камне и хранящиеся в музее в Сианьфу. Первая карта 華夷圖 Хуа и ту 'Карта Китая и иностранных областей' датируется серединой XI в. На ней области древних северных

Те описания гуннов, которые мы имеем в китайских источниках,¹ в Ши цзи ('Исторических записках') Сыма Цяня,² Цянь Хань шу ('История старшей династии Хань') Бань Гу,³ а также археологический материал этой эпохи дают нам все основания для утверждения о существовании варварского, военно-демократического строя гуннского общества.⁴

На аргументации этого положения мы останавливаться в настоящей работе не будем, так как посвятили этому ряд наших статей и работ,⁵ и считаем, что разбор предлагаемого вниманию читателей сюжета явится дополнительным материалом, аргументирующим наше положение о варварском строе гуннского племенного союза.

Еще для середины VII в. до н. э. «Исторические записки» Сыма Цяня показывают, что северные соседи Китая, охотники и кочевники жуны 戎, представляли собой разрозненные племена, автономно существовавшие по горным долинам. В источнике сказано, после перечисления племен, что «Каждое (из поколений) было рассеяно по краям горных долин; они имели предводителей и старейшин; часто собиралось до 100 с лишним (семейств) жунов, но все не могли соединиться».⁶

Эта раздробленность племен стоит в тесной связи с теми процессами, которые мы наблюдаем как в истории периферии Китая, так и внутри него. В эпоху Чжоу мы не имеем еще консолидации племен внутри Китая как кочевых, так и земледельческих в единый народ.⁷ Отсутствие достаточных

варваров 北狄 бэй-ди, впоследствии гуннов, затем сяньби (168—189), жужан (386—533), тюрков («tous ces peuples possédèrent l'ancien territoire des Hiong-nou, стр. 221) расположены к северу и востоку от Ордоса. Восточная часть их земель, как говорится в китайской легенде к карте, была завоевана «Тоба». Территории Лобнора, Кукунора, Турфана, Хами и т. д. показаны в юго-западном крае карты по отношению к гуннам (там же, стр. 214—221). Неплохие карты гуннского племенного союза, Китая, окружающих гуннов и Китай племен, с нанесением маршрутов основных походов и передвижений племен, см. в атласе: Al. H e r r m a n n. Historical and Commercial Atlas of China. Harvard-Yenching Institute, Monograph Series, v. I, Cambridge, Mass., 1935, стр. 17.

¹ О переводах китайских источников о гуннах см. выше. Выдержки и переводы из летописей имеются в большом количестве. Обзор большинства из них см.: К. И н о с т р а н ц е в. Хунну и гуны. Ленингр. инст. живых вост. яз., Л., 1926, а также в нашей работе «Очерк истории гуннов».

² Ши цзи, гл. 110; сочинение закончено составлением в 87 г. до н. э. (в дальнейшем цитируется сокращенно: ШЦ).

³ Цянь Хань шу, гл. 94; сочинение закончено составлением в 23 г. н. э. (в дальнейшем цитируется сокращенно: ЦХШ). Об указанных источниках см.: W y l i e. Notes on Chinese Literature. London, 1867.

⁴ Понимая его как последний этап классового общества, этап перехода к классовым, антагонистическим обществам.

⁵ См. наши статьи: «К вопросу о социальном строе восточных гуннов». Проблемы истории докапиталистических обществ (ПИДО), № 5—6, 1935; «К вопросу о наследственности и выборности у кочевников Азии» (ПИДО, № 7—8, 1935). Нами сдана в печать рукопись «Очерк истории гуннов», которая докладывалась на заседаниях Института востоковедения и Гос. Акад. ист. матер. культ. еще в 1935 г. В последней мы подробно останавливались на этой проблеме.

⁶ ШЦ, гл. 110; ЦХШ, гл. 94, стр. 4 г. — И. Б и ч у р и н, ч. I, стр. 7. — О жунах и вообще племенах, окружавших Китай, из которых произошли гунны, см.: M a s p e r o. La Chine Antique, Paris, 1926. — См. также: F. H i r t h. The Ancient History of China. New-York, 1909 (Hirth писал, что «The Jung barbarians probably Huns», стр. 263). — См.: P l a t h. Fremde barbarische Stämme im alten China. Sitzungsberichte der Kgl. Akad. der Wissensch. zu München (SKAW), 1874, Bd. 4. — См. у него замечания «Die Hien-Jün, die späteren Hiung-nu und die Hu, während der Name Jung später verschwindet» (стр. 495). О названии древних племен см.: K i n g s m i l l. The Ancient Distribution of Peoples on the Western and Northern Frontiers of China. The China Review, t. XXV, 1900—901, стр. 215—227. — Е г о ж е. Ethnological Sketches from the Dawn of History. China Review, t. VII, 1878—1879, стр. 386 и сл.

⁷ Факт этот общеизвестен. См., напр., характеристику княжества Чу: A. P f l z m a i e r. Die Geschichte des Königslandes Tsu. SKAW zu Wien, 1863, t. 44, стр. 68—139

предпосылок для объединения объясняет также автономность варварских племен на севере Китая.

Общеизвестны факты большой этнической раздробленности Китая при Чжоу в результате его экономической раздробленности. «Колонизационная политика» Китая, начавшаяся с 1100 г., была лишь слабой попыткой объединения племен. В системе социальных отношений господствовала патриархальная семья, в которой Richard Wilhelm видит возникновение феодальных принципов,¹ забывая, однако, что *pater familias*, пожалуй, больше характерен для античного времени. Частые войны порождали и развитие рабства.²

Известно, что сама дин. Чжоу не была «чисто китайского происхождения» и Мэн-цзы склонен называть короля Вэнь-вана западным варваром, происходящим от Сянь-юй, предков гуннов.³

Albert Tschepe приводит названия китайских знатных родов и отдельных семейств эпохи Чжоу, указывая на варварское их происхождение, т. е. от тех северных племен, которые связаны и с происхождением гуннов.⁴

Постепенное объединение Китая и экспансия его к северу привели к частичному покорению части жунов, например жунов И-цуй 義渠.⁵

К концу эпохи Чжоу начинается строительство (по частям) стен, ограждающих Китай от кочевников севера. Таковы предприятия китайского князя У Лин-вана 武靈王 в 307 г., достигшие своего развития при циньском императоре Ши Хуан-ди, который с помощью своего полководца Мын Тяня забрал у гуннов Ордос, выстроил 44 поселения по границе, населив их сысьными (преступниками) и создал явно очерченный рубеж между Китаем и кочевниками-гуннами.⁶

Деятельность императора Ши Хуан-ди, как и самой дин. Цинь, была лишь началом тех крупных изменений как внутри Китая, так и внутри

¹ Richard Wilhelm. *Geschichte der chinesischen Kultur*. München, 1928, стр. 90.

² О рабстве см. ниже. Характерно, что в эпоху Чжоу термин «ну» — 奴 обозначает уже рабов. См. заметку: E. J. Eitel. *Slavery in China*. China Review, t. X, 1881—1882, стр. 284. — Он пишет, что в Чжоу (1100 г.) термин 奴 — «supplied the class of lictors and official menials, whilst their daughters supplied the ranks of domestic servants hulling rice and washing clothes».

³ Richard Wilhelm, ук. соч., стр. 93. — Richard Wilhelm пишет, что Чжоу — «nicht rein chinesischen Ursprungs» (там же).

⁴ Le père Albert Tschepe. *Histoire du Royaume de Tch'ou*. Variétés Sino-logiques, № 22, Chang-Hai, 1903, стр. 386—389.

⁵ ШЦ, гл. 110; ЦХШ, гл. 94, стр. 4 г. — И. Бичурин, ч. I, стр. 9.

⁶ ШЦ, гл. 110; ЦХШ, гл. 94. — И. Бичурин (ч. I, стр. 10) обычно переводит 城 «чэн» как «город». У И. Бичурина «уездный город» (ук. соч., стр. 10). Однако этот знак вообще значит «поселение, огражденное валом», «городище» и еще далеко от понятия «город» в современном смысле этого слова. A. Forke пишет, что «чэн» значит: «Stadt ist Erdwall, Stadtmauer. Stadt und Festung ist für den Chinesen gleichbedeutend». См.: *Der Festungskrieg im alten China*, Festschrift für F. Hirth, Berlin, 1920, стр. 104. — Он указывает, что это было характерно и для Хань. Ср. о способе заселения границ преступниками: O. Franke. *Geschichte des Chinesischen Reiches*, Bd. I. Berlin—Leipzig, 1930, стр. 244. — В путешествии Сюань Цзана, описывавшего, в частности, страны Средней Азии, показано большое количество таких «городов», например, у северных отрогов Александровского хребта. Летом 1936 г., во время нашей экспедиции в Южный Казахстан, раскопками удалось показать, что большинство «городов» не что иное, как либо диканские замки, либо сельские поселения (ср. 大唐西域記, гл. I, стр. 8 г; переведено у St. Julien.: *Mémoire sur les contrées occidentales*, Paris, 1857, стр. 9—10). Из текста следует также, что и для танского времени иероглиф «чэн» обозначал в ряде случаев просто обнесенное стеной поселение.

кочевников, которые лишь знаменуют переход к особому рода отношениям между этими двумя обществами.¹

Деятельность дин. Цинь весьма знаменательна и имеет для нас большое значение.

Тенденции этой династии объединить Китай, весьма ярко и подчас успешно проявленные, были следствием далеко зашедшей классовой дифференциации внутри китайских племен. «Переход от „уделов“ к единодержавию, — говорит И. Захаров, — по свидетельству истории, стоил государству трети населения всего Китая тогдашнего времени».²

Постройка стены потребовала 400 000 человек.³ Тяжелые повинности крайне разорили китайское земледельческое население. Стремление увеличить доходы государства привело еще раньше при Шан Яне (350 г. до н. э.) к ликвидации общинных порядков. В результате, для аренды земли при дин. Цинь и Хань крестьяне начинают закладывать в рабство себя, жену и детей.⁴

Эта политика разорения крестьянства для получения больших доходов увеличивала контингент недовольных императорской властью в Китае. В то же самое время построенная стена не отграничила варваров-кочевников от Китая.

Еще при дин. Цинь, как отмечает Richard Wilhelm, уничтожение народонаселения из-за междоусобиц влекло на Китай набеги окружающих племен, которые зачастую оседали на его территории целыми поселениями.⁵ Построенная же стена хотя и отделила земледельческий Китай от скотоводческого севера, однако по ее южную сторону осталось огромное количество варваров, с которыми китайцы имели родственные связи.⁶

Следует все же указать, что события циньской эпохи завершили собой первый этап разделения труда между кочевыми гуннами и земледельческим Китаем, в котором мы наблюдаем к ханьской эпохе полную победу земледелия над скотоводством. Иначе говоря, мы можем этим временем датировать завершение процесса первого общественного разделения труда между кочевниками и земледельцами.⁷ Однако завершение этого процесса, согласно Ф. Энгельсу, совпадает с первым значительным делением общества на классы — рабов и рабовладельцев,⁸ который в Китае начался значительно раньше (поскольку и общественное разделение труда началось еще с эпохи Чжоу), но должен был получить свое развитие именно в период дин. Цинь, а особенно Хань.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные показывают развитие рабства в Китае и рост закабаления свободной части населения. «Все почти

¹ О деятельности Ши Хуан-ди см.: A. L. T s c h e p e. Histoire du Royaume de Ts'in. Variétés Sinologiques, № 27, Chang-Hai, 1909. О строительстве стены — стр. 271. Первый ее участок был в районе Желтой реки до Иньшань 陰山, см. стр. 274. Сведения о гуннах ему представил министр Ли Сы 李斯, см. стр. 273.

² И. Захаров. Историческое обозрение народонаселения Китая. Труды членов Российской духовной миссии в Пекине, т. I, 1852, стр. 261.

³ Ук. соч., стр. 261. — Ср.: M. G. P a u t h i e r. Chine. Paris, 1837, стр. 221.

⁴ И. Захаров. Поземельная собственность в Китае. Труды членов Российской духовной миссии в Пекине, т. II, 1853, стр. 19.

⁵ Richard Wilhelm, ук. соч., стр. 139.

⁶ Ук. соч., стр. 169—170.

⁷ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 135 и сл.

⁸ Ук. соч., стр. 137: «Первое крупное общественное разделение труда вместе с увеличением производительности, а следовательно, и богатства, и с расширением поля производительной деятельности, при всех данных исторических условиях, с необходимостью влекло за собою рабство. Из первого крупного общественного разделения труда возникло и первое крупное разделение общества на два класса — господ и рабов, эксплуататоров и эксплуатируемых».

преобразования, сделанные циньским государем Ши-Хуан-ди, — пишет И. Захаров, — возбуждавшие повсюду ропот и кончившиеся падением его дома, при династии Хань, напротив, были усвоены и получили настоящий ход».¹ Откуп был заменен подушной податью, разрешено было продавать себя и родственников (дети, жена) в рабство. Огромная потребность в дешевых рабочих руках неизбежно влекла Китай по пути развития рабства и увеличения народонаселения любыми способами. Характерно, что девушки с 15 до 30 лет, не вышедшие замуж, облагались повинностью в 5 раз большею, чем мужчины.² К этим фактам о рабстве мы вернемся ниже постольку, поскольку они нам будут необходимы для понимания процессов, происходивших в гуннском племенном союзе.

В ханьскую эпоху особого внимания заслуживают в связи с историей гуннов два момента в истории Китая: 1) развитие рабства и на основе рабства развитие сельского хозяйства и домашней промышленности и 2) развитие торговли.

Внешним источником рабов для Китая являются кочевые племена — северо-гуннский племенной союз. Как выше было указано, при Хань особое развитие получает торговля с Западом,³ в частности шелком. Торговые пути лежат через земли кочевников.⁴

Эти два обстоятельства являлись основными, определяющими весь ход взаимоотношений Китая с гуннами.

В несколько ином плане разворачиваются причины и порождаемые ими формы взаимоотношений со стороны гуннов с Китаем. Так как анализ этого является нашей основной задачей, то мы и постараемся подробнее проследить эти явления.

III

Победа Китая над кочевниками при дин. Цинь не могла пройти бесследно для них. Отброшенные к северу гунны прежде всего лишились возможности получать продукты земледельческого производства. Кроме того, кочевые племена оказались лишенными плодородных пастбищ Северного Китая по Желтой реке (Хуан хэ) и вынуждены были занять местности, значительно меньше обеспечивающие кочевое скотоводство. Условием, значительно способствовавшим политическому кризису гуннов, было также то обстоятельство, что восточные соседи — племена дунху 東胡 и западные юэцжи 月氏 — находились в ту пору, по выражению источника, в «силе и расцвете».⁵

¹ И. Захаров. Историческое обозрение народонаселения Китая, стр. 267.

² Ук. соч., стр. 268.

³ О развитии торговли с Западом при Хань см.: F. Hirth. *China and Roman Orient*. London, 1882. — Основным предметом торговли был шелк. О проникновении китайского шелка на Запад см. также: B. Laufer. *Sino-Iranica*. Chicago, 1918, стр. 489 и сл. — Изложением вышеупомянутой большой работы F. Hirth является его статья «Contributions to the History of Ancient Oriental Trade» (отд. отт. из «Verhandlungen der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin», 1889, № 1).

⁴ О торговых путях см.: A. Herrmann. *Die Seidenstrassen zwischen China und Syrien*. 1910. — Изложение работ о торговых путях и полемике см.: Г. Грум-Гржимайло. *Западная Монголия и Урянхайский край*, т. II, Л., 1926. — Анализ торговых путей и проникновению Китая на Запад, в частности в земли гуннов, посвящена содержательная статья: T. W. Kingsmill. *The Intercourse of China with Eastern Turkestan and the Adjacent Countries in the Second Century B.C.* The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland, New series, t. XIV, 1882. — Интересны его замечания об определенном единстве мирового процесса в то время (стр. 74 и сл.). Многие отождествления китайских названий приняты и вошли в литературу.

⁵ «В то время дунху были сильны, а юэцжи процветали» (ШЦ, гл. 110; ЦХШ, гл. 94, стр. 5 г).

Состояние гуннов значительно улучшилось только на время: когда пала дин. Цинь, гарнизоны по границе были ликвидированы.¹ Гунны возобновили свои старые границы с Китаем по долине Желтой реки. Естественно, что этот успех, не зависящий от самих гуннов, был временным и к началу дин. Хань предстояло восстановление status quo в положении гуннов.

Растущее скотоводческое хозяйство гуннов и их международное положение послужило развитию централизации кочевых племен и необходимости перехода их к системе военно-демократического управления.²

Наилучшим выразителем этих объективно исторических задач гуннского племенного союза был Мао-дунь, с именем которого можно связывать сложение военно-демократического строя у гуннов.

Удачные войны Мао-дуня, покорение ряда окружающих племенных образований типа дунху, юэцжи, динлин, гэкунь, хуньюй, цзюеши, цайли и др.,³ а также завоевание части Северного Китая,⁴ были непосредственными причинами укрепления авторитета Мао-дуня, несомненно талантливого и умного полководца.

Успех Мао-дуня имел своим результатом установление между гуннами и Китаем союза на основе мира и родства и определение ежегодной дани, состав которой красноречиво говорил о нуждах кочевников в продуктах сельскохозяйственного производства.

Военные успехи гуннов при Мао-дуне были прежде всего причиной перехода к гуннам ряда начальников из Китая⁵ и перехода на сторону гуннов владетеля княжества Янь некоего Лу Ваня,⁶ а также прецедентом для дальнейших набегов на Китай отдельных предводителей гуннов типа западного чжуки⁷-князя, в 177 г. захватившего Ордос и уведшего большое количество населения в плен.⁸ Эти походы с уводом населения в плен, в рабство были существенным условием усиления классовой дифференциации гуннов и исподволь создавали у них определенный слой родовой рабовладельческой аристократии. Китайские источники о гуннах сообщают, что «пленные мужчины и женщины поступают в рабство».⁹

Однако процесс накопления рабов у гуннов и их использование были, повидимому, еще весьма незначительными, ибо беглый китаец Чжун Хан-юе 中行說, описывая обычаи гуннов при шаньюе Лао-шан Цзи-юй 老上稽粥單于, сыне Мао-дуня, мог подчеркивать у них господство патриархальных отношений и резко противопоставлять их системе общественных отношений Китая.¹⁰

Эта патриархальность отношений у гуннов объясняет стремление к бегству из Китая определенной части населения к гуннам.

¹ ЦХШ, гл. 94, стр. 5 v.

² См. об организации племен у гуннов: ЦХШ, гл. 94, стр. 7 v. — И. Бичурин, ч. I, стр. 14.

³ ЦХШ, гл. 94, стр. 8 v; динлин 丁靈; гэкунь 隔昆; хуньюй 渾廬; цюйшэ 屈射; цайли 薪犁. — ШЦ, гл. 110, стр. 11 v. — О племенах см.: О. F r a n k e. Beiträge, стр. 14 и сл. — Названия племен и титулов взяты по И. Бичурину. Вместо цайли следует читать синьли. По ЦХШ — несколько иное обозначение племен, а именно:

渾廬窳; 屈射; 丁零; 隔昆; 新犁.

⁴ См. ЦХШ; речь идет о завоевании области Дай 代.

⁵ ЦХШ, гл. 94, стр. 9 г.

⁶ 燕王盧綰, ЦХШ, гл. 94, стр. 9 v. — У И. Бичурина — Лу Гуань.

⁷ Чжуки — титул.

⁸ Об этом см.: ЦХШ, гл. 94, стр. 10 v.

⁹ 奴婢, ЦХШ, гл. 94, стр. 8 г. — И. Бичурин, ч. I, стр. 17.

¹⁰ ЦХШ, гл. 94, стр. 12 v — 13 г.

Количество перебежчиков было, повидимому, настолько значительно и являлось таким ущербом для Китая, что могло конкурировать в известной степени с ущербом, причиняемым набегами гуннов. Во всяком случае, в письме к гуннам китайского императора Сяо Вэнь-ди (179—156 гг. до н. э.) от 162 г. имеются следующие любопытные строчки: 亡人不足以益衆廣地。匈奴無入塞。漢無出塞。犯令約者殺之. 'Беглые люди недостаточны для того, чтобы увеличить население и расширить территорию. Сюнну пусть не входят в наши границы, а Хань (китайцы) не выходят за границу. Тех, которые будут нарушать этот договор, предавать смертной казни'.¹

Эффект от этого соглашения был невелик, насколько мы можем судить по дальнейшим сообщениям.

Неоднократно прерываемый набегами гуннов и изменами внутри Китая договор мира и родства был, однако, дипломатическим стержнем в нормализации, со стороны Китая, взаимоотношений с гуннами. Прежде всего это отражалось в отправке регулярных даней и открытии при императоре Цзин-ди (156—140 гг. до н. э.) регулярной торговли с гуннами, расширенной при императоре У-ди (140—87 гг. до н. э.), и с Восточным Туркестаном.²

Следует отметить, что китайский двор отправлял два типа дани гуннам. Одна дань состояла, главным образом, из предметов широкого потребления и в значительной степени распределялась между всеми гуннами. Другой тип дани шел только шаньюю и, вероятно, наиболее знатной части гуннских родов, в первую очередь шаньюйскому роду. Упоминание о двух типах дани неоднократно встречается в текстах.³ Кроме того, необходимо указать, что массы гуннов удовлетворяли свои потребности в результате многочисленных походов, в то время как шаньюи в значительной степени довольствовались непосредственными подарками от китайского двора.

Этот факт имеет существенное значение потому, что ускорял разрыв между интересами всего гуннского племенного союза и его незначительной частью — шаньюйским родом. Это имело также своим результатом развивающуюся борьбу за шаньюйский престол. Если первые шаньюи Мао-дунь, Цзи-юй и Цзюнь-чэнь 軍臣 наследовали престол по прямой линии, то шаньюи И-чи-се 伊穉斜, бывший восточным лули-князем, как сообщает источник, сам объявил себя шаньюем после смерти Цзюнь-чэня в 126 г., разбив войска наследника Юй-би, который бежал в Китай.⁴

Следствием этого было широкое развитие войн с Китаем с переменным успехом для обеих сторон, закончившееся в 121—119 гг. крупной победой китайцев над гуннами. Вообще борьба с гуннами у Китая была составной и необходимой частью борьбы с варварами севера и запада. Проникновение Китая на запад начинается особо сильно со времени путешествия Чжан Цяня 張騫, в 138—126 гг. посетившего западные страны, в том числе и

¹ ЦХШ, гл. 94, стр. 16 v. — И. Бичурин, ч. I, стр. 32.

² О племенах Восточного Туркестана и связях с ними Китая см.: Th. W. Kingsmill. Han Wu Ti, and the Aboriginal Tribes on the South-western Frontier of China. China Review, t. XXV, 1900—1901, стр. 103—109.

³ Напр. дань 198 г. до н. э. состояла, главным образом, из продуктов питания (ЦХШ, гл. 94, стр. 9 v) и дань 174 г. до н. э. лично Мао-дуню — из предметов роскоши; см.: ЦХШ, гл. 94, стр. 12 gv.

⁴ 其 (Цзюнь Чэня) 弟左谷蠡王伊穉斜自立爲單于。攻敗軍臣單于太子於單於單亡降漢. ЦХШ, гл. 94, стр. 18 v. — И. Бичурин, ч. I, стр. 36.

Среднюю Азию (Фергану, тогда называвшуюся 大宛 Да-вань).¹ К 129 г. относятся походы Вэй Цина 衛青,² к 119 — походы Хо Цюй-бина 霍去病 и Вэй Цина,³ к 166 г. — первые походы Ли Гуана 李廣⁴ и к 99 г. — Ли Лина 李陵⁵ в гуннские ставки. Известны также походы Хо Цюй-бина 121 г. и походы в Западный край, также затрагивавшие непосредственные интересы гуннов,⁶ вторичное путешествие 115 г. Чжан Цяня⁷ и мн. др.

Pfizmaier в статье, посвященной походам Вэй Цина и Хо Цюй-бина, приводит состав начальников отрядов в армиях того и другого полководцев.⁸ Характерно, что это все люди знатного происхождения, а военачальников войск Хо Цюй-бина он просто называет ленными князьями (Lehenfürsten).⁹ Эта победа китайцев дала в их руки не только территорию к северу от Желтой реки, но и огромное количество рабов. Так, например, в 121 г. было взято в плен, по сведениям китайских источников, 30 000 гуннов и несколько позднее 40 000, а в 119 г. в течение трех битв в разное время было взято 19 000, 70 000 и 90 000 гуннов.¹⁰ Какова ни была бы достоверность этих цифр, ясно, что в течение трех лет Китай обрел огромное количество военнопленных, причем в текстах подчеркивается, что они были взяты в плен (虜).¹¹

Эти победы Китая существенно отразились на его экономическом развитии. Прежде всего они включили в состав непосредственных производителей Китая огромный контингент рабов из гуннов, во-вторых, они частично обеспечили развитие торговли с Западом; благодаря этим победам был расчищен путь для сражений с северными соседями, в частности с царством Давань, которое было ими покорено в 102 г.

В общем, царствование У-ди (140—87 гг. до н. э.) было для гуннов наиболее тяжелым. У-ди прежде всего лишил гуннов их мощи в окружающих варварских племенных союзах и подготовил в определенном отношении консолидацию всего древнего мира от Китая до Рима, этим самым, правда, создавая условия для консолидации и варварской периферии, причем

¹ См. из последних переводов описания путешествия Чжан Цяня: F. Hirth. The Story of Chang K'ien. Chinas Pioneer in Western Asia. Journal of the American Oriental Society (JAOS), t. 37, стр. 2, сентябрь, 1917, текст, стр. 77 и сл.

² A. Pfizmaier. Die Heerführer Wei-tsing und Ho-khiü-ping. SKAW zu Wien, 1864, t. 45, стр. 139—180. — Первый поход Вэй Цина он относит к 129 г., см. стр. 143.

³ См. ук. соч., стр. 152—172. Хо Цюй-бин был сам знатного происхождения — он был сыном старшей сестры жены императора.

⁴ A. Pfizmaier. Die Heerführer Li-Khuang-li und Li Ling. SKAW zu Wien, 1863, t. 44, стр. 511—544. — Ли Гуан родился в Лунси (провинция Ганьсу), умер в 118 г. до н. э.

⁵ О Ли Лине имеется вообще большая литература. См. ук. соч., стр. 529 и сл. Известно, что Ли Лин женился на дочери шаньюя и, получив в надел земли Хакас, остался у гуннов, прожив у них 25 лет. Умер он в 74 г. до н. э. В китайскую литературу вошло его письмо на родину. Издано: G. Margouliès. Le Kou Wen Chinois. Paris, 1925, стр. LII—LV и стр. 93—100. — Ли Лин был заподозрен в измене, отчего был вынужден остаться у гуннов, которыми он был взят в плен. Во всех сводных работах по истории гуннов или Китая всегда имеются описания инцидента с Ли Лином. Его пребыванию у гуннов и взаимоотношениям с другим китайским деятелем Су У 蘇武 посвящена специальная статья А. Pfizmaier'a «Die Geschichte einer Gesandtschaft bei den Hiung-nu's» (SKAW zu Wien, 1863, Bd. 44, стр. 581—600).

⁶ E. D. Chavannes. Les documents chinois découverts par Aurel Stefn dans les sables du Turkestan Oriental. Oxford, 1913, стр. V.

⁷ См.: H. Cordier. Histoire générale de la Chine et de ses relations avec les pays étrangers, t. I. Paris, 1920, стр. 233.

⁸ См. его «Heerführer Wei-tsing und Ho-khiu-ping», стр. 172 и сл.

⁹ Ук. соч., стр. 178—179.

¹⁰ ЦХШ, гл. 94, стр. 20 г—21 в.

¹¹ ЦХШ, гл. 94, стр. 21 г. — И. Бичурин, ч. I, стр. 41.

на востоке в роли ее стихийного организатора снова выступают гунны, но значительно позднее. Гуннам, по существу, не удается занять того положения, которое они занимали при Мао-дуне и его ближайших преемниках. В самой среде гуннов, да и во всей варварской периферии того времени, происходят события, которые существенно изменяют соотношения сил. Ранее покоренные гуннами племена типа усунь, динлин, ухуань и др., пользуясь переживаемым кризисом гуннов, выходят из-под их власти и, более того, наносят им весьма существенные удары в 70-х годах I в. до н. э. Источник по этому поводу гласит: «В то время динлины 丁令, пользуясь слабостью (сюнну), напали на них с севера, ухуань 烏桓 вступили в их (земли) с востока, усунь 烏孫¹ разбивали их с запада. Эти три народа порубили несколько десятков тысяч человек и в добычу получили несколько десятков тысяч лошадей и великое множество быков и овец. Кроме этого, $\frac{3}{10}$ людей и $\frac{3}{10}$ скота от голода погибли и $\frac{5}{10}$ имущества погибло. Сюнну пришли в крайнее бессилие. Подвластные им владения отложились от них, и сюнну не могли больше нападать и грабить».²

IV

Разгром гуннов не был фактически разгромом шаньюйского рода. Потери при военных неудачах, тем более при голоде и падеже скота, подрывали главным образом массу гуннских племен. Выше было указано, что в 70-х годах I в. до н. э. гунны потеряли $\frac{3}{10}$ всего состава людей и $\frac{3}{10}$ скота, а зимой 68 г. во время голода погибло $\frac{6}{10}$ народа и $\frac{6}{10}$ скота.³ Такие потери, пусть несколько преувеличенные, сильно ослабили гуннов, которые к тому же лишились в 67 г. своих западных владений — главных поставщиков зерна.⁴ Зерно для гуннов было существенно необходимым продуктом. Известно, что еще в 80-х годах I в. до н. э. гунны устраивали запасы зерна, причем в этом им помогали китайцы, издавна жившие среди гуннов (потомки перебежчиков при дин. Цинь).⁵ В 66 г. гунны посылали специальные войска в Западный край для организации земледельческих поселений.⁶ Эта энергичная деятельность гуннов показывает, что абсолютно отрезанным от земледельческих районов кочевник существовать не может. В это же время положение было особо обостренным, ибо нападать на Китай они не могли по своей слабости, да к тому же сами находились под ударами своих соседей. К этому надо присовокупить тот факт, что среди гуннов развивалось недовольство. По смерти шаньюя Сюй-люй Цюань-цуй 虛閭權渠 в 60-х годах, нарушив все демократические выборы, престол занял Во-янь Цзюй-ди 握衍胸鞬, представлявший тип крайнего диктатора и деспота.⁷ Прежде всего Во-янь выступил открыто против традиций гуннского племенного союза, нарушив традиционное «избрание»; далее он активно начал истреблять всю непокорную знать и старался занять всевозможные руководящие посты своими родственниками. Естественно, что резкое попрание всех демократических прав гуннских племен вызвало единодушный отпор, выразившийся прежде всего в неподчинении шаньюю

¹ Об усунях см.: Kurakichi Shiratori. Über den Wu-Sun-Stamm in Centralasien. *Revue Orientale* (Keleti Szemle, t. III, v. 2—3, 1902). — Ср.: В. Бартольд. Очерк истории Семиречья. Верный, 1898, стр. 2—9.

² ЦХШ, гл. 94, стр. 34 г. — И. Бичурин, ч. I, стр. 63—64.

³ ЦХШ, гл. 94, стр. 34 в—35 г.

⁴ ЦХШ, гл. 94, стр. 35 г.

⁵ ЦХШ, гл. 94, стр. 30 в.

⁶ ЦХШ, гл. 94, стр. 35 г.

⁷ ЦХШ, гл. 94, стр. 35 в и сл.

ряда родов. Заканчивается эта борьба тем, что вожди и старейшины части племен выбрали некоего Цзи-хоу-шань 稽侯狁 под именем Ху-хань-е шаньюя 呼韓邪單于 в 58 г. и, собрав около 50 000 войска, отправились походом против Во-янь Цзюй-ди шаньюя. Не получив ни от кого поддержки, Во-янь Цзюй-ди кончил жизнь самоубийством, а престол шаньюя занял Ху-хань-е. Характерно, что Ху-хань-е, не будучи законным наследником, является ставленником масс гуннских племен, и, как сообщают источники, «Весь его народ перешел к Ху-хань-е шаньюю».¹ Избрание Ху-хань-е является в истории гуннов фактом, утверждающим силу военно-демократических начал племенного союза, и свидетельствует о серьезном расслоении, о социальной дифференциации внутри гуннов.

Избрание Ху-хань-е было демонстрацией силы демократического строя гуннов, способного преодолевать узурпаторские тенденции шаньюйского рода. Дальнейшая история показывает, что демократический строй гуннов неоднократно давал чувствовать себя шаньюям, часто признававшимся в своем бессилии совладать с гуннскими племенами.²

Деятельность Ху-хань-е имеет для нас особый интерес, ибо с ней связан определенный этап в истории гуннов.

Будучи выбран шаньюем, он прежде всего завершает начатую деятельность по уничтожению старого шаньюйского рода, приказывая старейшинам убить младшего брата Во-янь Цзюй-ди, бывшего чжуки-князем, распускает войска, истомленные непрерывными войнами, и возводит в достоинство восточного лули-князя, своего брата Ху-ту-у-сы 呼屠吾斯, как подчеркивает летопись, «находившегося среди народа».³

Деятельность Ху-хань-е вызывает исключительных масштабов борьбу за власть в гуннском племенном союзе. У гуннов одновременно, в течение 57 г., появляются пять шаньюев, а именно: восточный чжуки, младший брат бывшего шаньюя, Во-янь, объявил себя шаньюем, князь Ху-цзе 呼揭 и Юй-цзянь, князь Западной стороны 奧鞬王 также объявили себя: первый — Ху-цзе шаньюем, второй — Чэ-ли шаньюем 車犁單于. Ду-юй У-цзи 都尉烏藉 также объявил себя шаньюем. Таким образом были: Ху-хань-е шаньюй, выбранный, и четыре самозванца: У-цзи и чжуки из старого шаньюйского рода и Чэ-ли и Ху-цзе из Западной стороны.⁴

¹ ЦХШ, гл. 94-а, стр. 37 г: 所其民衆盡降呼韓邪單于. — И. Бичурин, ч. I, стр. 69.

² Соответствующий, наиболее яркий пример приведен в нашей статье «Гуннский могильник Ноин-Ула и его историко-археологическое значение» (Известия Акад. Наук, № 4, 1937). См. также нашу статью «Наследственность и выборность у кочевников Азии» (ПИДО, 7—8, 1936); там же — литература вопроса.

³ 在民間 ЦХШ, гл. 94, стр. 1 г. — A. Wylie. History, стр. 46: — «from among the people».

⁴ ЦХШ, гл. 94, стр. 1 г—1 в. — Чтение имен сохранено в основном по И. Бичурину. Этот факт особо выделяет и более поздняя история Цзинь шу 晉書. Она сообщает о мятеже пяти шаньюев и выделяет деятельность Ху-хань-е, направленную к подчинению гуннов Китаю. Вот, что сообщает Цзинь-шу: 'У сюнну произошли беспорядки. Пять шаньюев боролись за престол, Ху-хань-е шаньюй потерял свое государство. Возглавив кочевья (собств. племена кочевников, — А. Б.), он вошел вассалом в Китай.' Характерно, что в то время как деятельность Ху-хань-е восхваляется, о Чжи-чжи вообще Цзинь-шу не считает нужным говорить. Характерно это замалчивание при сравнительно большом описании деятельности Ху-хань-е. Шаньюи до Ху-хань-е вообще не упоминаются. Сравнительно подробно об этом событии сообщает и более поздняя история Тун-цзянь ган-му (кн. 6, стр. 24 г), которая датирует это событие 57 г. до н. э.: 五鳳元年秋匈

Разгром шаньюев Ху-цзе, Чэ-ли и У-цзи произошел в результате как междоусобиц, так и благодаря разгрому их чжуки шаньюем, после чего Чэ-ли был вынужден отправиться на северо-запад. Шаньюи У-цзи, и Ху-цзе, поддерживавшие Чэ-ли, сняли с себя звание шаньюев еще до разгрома их войсками чжуки.

Разгром войск чжуки войсками Ху-хань-е привел к тому, что Чэ-ли шаньюй покорился шаньюю, а остатки старшаньюйского рода Ду-лун-ци 都隆奇 — дядя бывшего шаньюя Во-янь и племянник Во-янь, сын Чжуки (Чжуки покончил жизнь самоубийством), — бежали в Китай, равно как и еще ряд представителей шаньюйского рода.¹

Однако на этом события с шаньюями не прекращаются. Вторично был объявлен шаньюем У-цзи, вскоре убитый Ху-хань-е. Сопrotивлялся и старшаньюйский род в лице родственника убитого Чжуки шаньюя Сю-цзюй-князя 休句王, который объявил себя Жунь-чжэнь шаньюем 閼振單于.²

Наиболее, пожалуй, значительным фактом является объявление себя шаньюем ставленника Ху-хань-е — Ху-ту-у-сы, который будучи восточным чжуки-князем, объявил себя Чжи-чжи-шаньюем,³ разбил через два года войска Жунь-чжэня и убил его, разбил войска Ху-хань-е и стал почти полновластным владельцем в союзе. С этого времени среди гуннов два брата — Ху-хань-е и Чжи-чжи — являются соперниками, борющимися за господство внутри гуннского племенного союза.⁴ Несмотря на внешнее сходство в их действиях, например в стремлении обоих заручиться поддержкой Китая, наиболее активную роль играет Ху-хань-е, вызывая нарекания старейшин, в то время как Чжи-чжи чаще выступает против китайского императора, выражая настроения варварской периферии. Не случайно, что не Чжи-чжи, а Ху-хань-е получает огромные личные подарки от Китая. Деятельность Ху-хань-е не вызывает одобрения в массе гуннских племен, которые устами своих «старейшин» 大臣 да-чэнь⁵ в следующих словах резюмировали мнение масс гуннских племен на предложение Ху-хань-е стать вассалами Китая: «Это невозможно. Сражаться на коне есть наше господство и потому мы страшны всем народам. Мы еще не обеднели в отважных воинах. Теперь старший и младший братья спорят о государстве, и если не старший, то младший получит его. При этих обстоятельствах и умереть составляет славу. Наши потомки (букв. сыновья и внуки, — А. Б.), всегда будут царствовать над государствами. Хань (Китай, — А. Б.) как ни могуществен, не в состоянии поглотить Сюнну. Для чего же нарушать традиции предков? Сделаться вассалами Хань — значит унижить и постыдить покойных шаньюев и подвергнуть посмеянию соседних владений. Правда, что такой

奴亂。五單于爭立 'У-фын, первый год, осенью, у сюнну произошли беспорядки. Пять шаньюев боролись за престол'. См. рукописный перевод источника И. Бичурина (хранится в Рукописном отделе Института востоковедения Акад. Наук), т. I, стр. 123. Полный перевод текста Цзинь-ши о гуннах см. в нашей рецензии на работу McGovern'a в «Вестнике древней истории» за 1940 г. (печатается).

¹ ЦХШ, гл. 94, стр. 1 v.

² 自立爲閼振單于 ЦХШ, гл. 94-в, стр. 2 v.

³ 後呼韓邪單于兄左賢王呼屠五斯亦自立鄯支骨都侯單于在東邊 'Затем старший брат Ху-хань-е шаньюя, восточный чжуки-князь Ху-ту-у-сы, объявил себя Чжи-чжи Гу-ду-хоу шаньюем с местопребыванием на восточной границе'. ЦХШ, гл. 94, стр. 2 v. — И. Бичурин, ч. I, стр. 72.

⁴ ЦХШ, гл. 94, стр. 3 г. — И. Бичурин, ч. I, стр. 72.

⁵ Имеется в виду племенная знать — букв. «высшие сановники».

ответ доставит спокойствие, но мы более не будем владычествовать над народами».¹

Ху-хань-е склонился к совету восточного князя И-чжи-цзы и поддался Китаю в 53 г. I в. до н. э.,² за что неоднократно получал большие подарки от китайского императора в 52, 49 и 33 гг.³ Пришедшие с ним гунны были ассимилированы Китаем.

Чжи-чжи, который не имел такого успеха у китайского двора, покорив усунь, уцзе 烏揭, цзянькунь 堅昆 и динлин, утвердился на севере, в 7000 ли на юго-восток от Цзянь-кунь, заложив основание северной гуннской орде.⁴ Таким образом, если в 55 г. Чжи-чжи объявил себя шаньюем, то 48 годом можно датировать окончательный раскол гуннского племенного союза. В то время как южная часть гуннов во главе с Ху-хань-е находилась под непосредственным китайским влиянием, северные гунны были более автономны.

Ху-хань-е же кладет основу новым типам отношений с Китаем; это — полная продажа себя интересам китайского двора, и это было скреплено клятвой 47 г. в присутствии китайских чиновников Чан и Мэн 昌 и 猛 с ритуальным убийством белой лошади и питьем вина из чаши, сделанной из головы юе-чжийского вождя.⁵

Чжи-чжи погибает от руки Китая, который был заинтересован в сохранении преданного им Ху-хань-е и уничтожении Чжи-чжи, ибо как последний ни пытался связаться с Китаем, объективно он был выразителем той части племен, которые были исконными и непримиримыми врагами Китая. Надо отметить, что различие в поведении Ху-хань-е и Чжи-чжи очень тонко подметил в свое время такой талантливый китаист-историк, как F. Hirth, указавший на различие двух «военных» партий (Kriegspartei) у гуннов: одна стремилась к союзу с Китаем и к подчинению ему, а другая боролась за независимость. По поводу вышецитированного текста ответа старейшин F. Hirth писал, что в нем отразились воззрения этих партий.⁶ Меньшая часть ушла с Ху-хань-е в Китай, а Чжи-чжи «der als echtes Vorbild seines Nachkommen Attila, nachdem er sich von den chinesenfreundlichen Hiung-nu getrennt hatte, das in jener Rede aufgestellte Programm zur Ausführung brachte».⁷

Эту абсолютно верную, по нашему мнению, трактовку раскола гуннов у F. Hirth'a встретил в штыки Г. Грум-Гржимайло, который не хотел видеть в лице Чжи-чжи выразителя интересов военно-демократических гуннских племен, преуменьшал его историческую роль, подчеркнутую F. Hirth'ом, и пытался представить Чжи-чжи простым претендентом на престол.⁸

Однако мнение F. Hirth'a представляется нам абсолютно правильным. Прежде всего следует остановиться на том, какие последствия были от ухода Чжи-чжи на север и какой стала та огромная варварская периферия, которая окружала в Азии такие государства, как Китай и Индию. Подачка

¹ ЦХШ, гл. 94, стр. 3 г. — И. Бичурин, ч. I, стр. 72.

² 左伊秩訾, ЦХШ, гл. 94, стр. 3 г.

³ ЦХШ, гл. 94, стр. 3 в, 4 в, 7 г.

⁴ ЦХШ, гл. 94, стр. 5.

⁵ ЦХШ, гл. 94, стр. 6 г. Происходило это на восточной стороне реки Но-шуй 諾水.

См.: И. Бичурин, ч. I, стр. 78. — Полные имена чиновников Чжан Мэн 張猛 и Хань Чан 韓昌

⁶ F. Hirth. Ueber Wolga-Hunnen und Hiung-Nu. SKAW zu München, 1899, Bd. II, H. 11, стр. 270.

⁷ Ук. соч., стр. 270.

⁸ Г. Грум-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край, т. II. Л., 1926, стр. 119.

Ху-хань-е в виде одежд, шелковой ткани и тому подобных вещей в 33 г. еще более укрепляет верноподданнические чувства Ху-хань-е по отношению к Китаю.¹ Если верить источникам, он за три приема получил громадное количество подарков и в жены девицу Ван Цян 王牆, по прозвищу Чжао-цзюнь, происходящую из знатного китайского семейства.²

Ху-хань-е, не считаясь с мнением племенной знати, изъявляет свое желание взять на себя защиту границ Китая от Шан-гу до Дунь-хуана на запад с тем, чтобы Китай снял пограничные гарнизоны.

Предложение шаньюя было передано на рассмотрение совета сановников, почти единогласно признавшего его ценность и необходимость принятия. Только один из сановников, лан-чжун Хоу Ин 郎中侯應³ запротестовал, представив подробную на сей счет докладную записку. Эта докладная записка Хоу Ина является замечательнейшим документом и для истории Китая и для истории гуннов, ибо она подводит итог роли гуннов по отношению к Китаю, а также раскрывает основные слабые стороны Китая ханьского периода.

Интересующий нас документ приводим полностью в том виде, как он сохранен «Историей старшей Хань».

«С династии Чжоу [1122—255 гг. до н. э.] и Цинь [255—209 гг. до н. э.] сюнну разбойничали и грабили пограничные места. Династия Хань⁴ [206 г. до н. э. — 9 г. н. э.] при своем возникновении особенно подверглась их злу.

Я слышал, что по северному пограничному рубежу до Ляо-дуна имеется хребет Инь-шань 陰山 на запад и восток на 1000 с лишним ли. Там много деревьев и трав, много диких птиц и зверей. Утвердившись, Мао-дунь шаньюй 冒頓單于 в этих горах делал луки и стрелы и выступал в походы. Это было его местопребывание [букв. зверинец]. При Сяо У⁵ выступили войска в поход против сюнну с целью прогнать их и отнять эти земли. Выгнали их на север степи (Ша-мо), построили границу с пограничными крепостями и открыли станции и узкие дороги: построили внешнюю стену, учредили гарнизоны для ее охраны. Затем на границе стало немного спокойнее. По северную сторону степи земля ровная, мало деревьев и трав, много больших песков. Когда сюнну производят набеги, то мало мест для убежища. От границы на юг расположены глубокие горные долины, проходить которые трудно. Старики говорят, что сюнну после потери Инь-шань пройти его без слез не могут. Если снять пограничные укрепления и гарнизоны, то это значит показать, что варвары 夷狄 имеют большие преимущества. Это первая (причина) невозможности (принять предложения Ху-хань-е).

Ныне сюнну осенены милостями нашего двора.⁶ Сюнну удостоились безопасной жизни, они бьют челом, желая стать вассалами. Если у варваров бывают затруднения, то они делаются своевольными и мятежными. Качества эти природные. Вместо того, чтобы отзываться войска с внешней стены и сокращать станции и дороги, достаточно отменить сигнальные маячные огни. В древности и (во время) спокой-

¹ ЦХШ, гл. 94, стр. 7 г.

² ЦХШ, гл. 94, стр. 7 гв.

³ ЦХШ, гл. 94, стр. 7 в.

⁴ Речь идет о завоеваниях Мао-дуна в 176 г. до н. э.

⁵ Император Сяо У-ди (140—87 г. до н. э.).

⁶ Следуют И. Бичурину, ук. соч., стр. 82.

ствия не забывали об опасностях. Невозможно отменить эти меры. Вот вторая причина.

В Китае есть учение о приличии и справедливости и уголовные законы о наказаниях, а глупый народ все же нарушает запреты. Тем более, что же можно сказать о шаньюе? Может ли он поручиться, что его народ не нарушит договор? Это — в-третьих.

С того времени как Китай нашел нужным построить крепости и заставы для обуздания удельных князей и пресечения всяких завистливых желаний со стороны подданных, завели пограничные крепости, учредили гарнизоны. Сделали это не только для Сюнну, (но) и для зависимых государств, народа подданного, собственно в прошлом сюннских людей, опасаясь, что они, соскучась по родине, не вздумали бы бежать. Четвертая причина.

Ближние западные цян 近西羌 охраняли границу, вошли в сношения с китайцами. Чиновники и народ, думая о выгоде, отнимали у них скот, имущество, жен и детей, и вследствие этого возникли неудовольствия и ненависть, бывшие причиной непрекращающихся волнений.

Теперь, если оставить границу, то мало-помалу возродятся недоразумения и споры. Пятая причина.

В прошлое время многие из ушедших в войска без вести пропали и не возвратились; сыновья и внуки их в бедности и нужде. В один день они убегут за границу к своей родине. Шестая причина.

Рабы пограничных жителей 又邊人奴婢, испытывая всякие несчастья, все думают бежать. Многие, говоря „у сюнну весело жить (и) пусть бдительны будут караулы“, часто перебегают границу. Седьмая причина.

Жестокие и коварные шайки разбойников 盜賊桀黠羣 при крайних обстоятельствах перебегают границу, выходя на север, и там невозможно справиться с ними. Восьмая причина.

Со времени постройки границы прошло более 100 лет. Она не вся состоит из земляного вала. Местами по гребням гор камни и валежник обвалились, по ущельям и долинам речные ворота 水門¹ мало-помалу сравнялись. Солдаты строили и поддерживали эту границу. Эти труды потребовали много времени и великих издержек. Нельзя исчислить их. Я боюсь, что в совете, поверхностно продумав суть дела, хотели сократить караулы. Что будет, если в будущем случится переворот, а укрепления и караулы будут развалены и уничтожены. Тогда потребуются снова высылать гарнизоны и возобновлять линию, а труд нескольких десятков лет невозможно восстановить. Девятая причина.

Если шаньюй сам будет охранять пограничные укрепления после снятия гарнизонов и уменьшения караулов, то он, (считая) это большой услугой Хань, непременно представит разные требования и им не будет конца. Немного, (если он) потеряет (букв. недополучит), то невозможно будет предсказать его намерений. Разлад с варварами всегда наносит вред Китаю. Десятая причина.

Мнение совета не содействует долговременному сохранению спокойствия и обузданию иноземных народов».²

¹ Специально сделанные в Великой Китайской стене проходы для речных потоков.

² ЦХШ, гл. 94, стр. 7v—9г. — Вэнь-сянь тун-као, гл. 341, стр. 4—5. — И. Бичурин, ч. I, стр. 81—84. — А. Wylie, стр. 51—53. — Groot, стр. 240—243. — Parker, стр. 107—108; в подробных описаниях гуннов в Тун-цзянь ган-му и в энци-

Доводы были настолько убедительны, что китайский император немедленно дал ответ шаньюю, представляющий, пожалуй, не меньший интерес, чем цитированная выше «докладная» записка Хоу Ина. Ответ гласил: «Шаньюй в представленном докладе предложил снять по северной границе служащих воинов охранных гарнизонов¹ и принять ее охрану на своих детей и внуков. Шаньюй, порываемый любовью к благоприличию и справедливости, предложил самое прочное средство к облегчению народа, которое я очень одобряю. Китай со всех четырех сторон имеет крепости и заставы не только в целях защиты внешней границы, но и для обуздания своевольствующих и бунтующих жителей Китая, которые выходят за границу и производят грабежи; потому я для успокоения народа предпринимаю законные меры. Я не сомневаюсь в искренности мыслей шаньюя, но чтобы шаньюй не удивлялся, почему не снимают гарнизонов, то я послал главнокомандующего конницей и колесницами по (имени) Цзя² довести (свое постановление) до сведения шаньюя».³

Шаньюй покорно принял отказ императора, не имея аргументов для ответа, и скромно признал свою недалекость.⁴

Протест Хоу Ина и ответ императора нуждаются в некоторых комментариях и богаты материалом для некоторых весьма существенных выводов, которые мы намереваемся сделать.

V

Аргументация Хоу Ина против предложения Ху-хань-е может быть разбита на следующие основные группы. Первая группа — это сумма возражений, связанных с субъективными наклонностями гуннов не выполнять обещаний, и необходимость сохранения стены, независимо от достигнутого перемирия. Это — причины первая, вторая, третья.

Вторая группа связана с указанием о том, что все виды зависимых, в том числе и рабов, стремятся к гуннам, у которых жизнь намного лучше и легче, чем в Китае. Здесь прежде всего следует отметить: а) данников, б) семейства беднейшей части, по всей вероятности крестьянства, в) рабов, г) всякого рода «преступников», т. е. лиц, боровшихся против «законной» власти.

Третья группа возражений базируется на необходимости поддерживать Великую Китайскую стену, которая приходит в ветхость и требует постоянного ремонта, вряд ли выполнимого силами кочевников; если они и будут кое-что делать, то потребуют за это большого вознаграждения — удовлетворять же их требования нецелесообразно.

Возражения Хоу Ина были построены в полном соответствии с задачами и ролью государства эпохи Хань, были основаны на глубоком понимании

клопедии Ту-шу цзи-чэн вышецитированная докладная записка отсутствует. В первом сочинении сведения о шаньюях Ху-хань-е и Чжи-чжи находятся, главным образом, в тетр. 6-а.

¹ 吏士屯戍. Ту-шу цзи-чэн, разд. VIII, гл. 119, стр. 1 и сл.

² 大司馬車騎將軍嘉. Первые семь иероглифов — титул.

³ ЦХШ, гл. 94, стр. 9 гв.

⁴ В Тун-цзянь ган-му (т. 6, стр. 29) сказано: «Весною сюннский шаньюй Ху-хань-е признал себя подданным империи и послал меньшого брата своего ко двору ханьскому. Уменьшают $\frac{2}{10}$ части пограничных гарнизонов». 四年 (4-й год 五鳳, т. е. 54 г. до н. э.) 春匈奴呼韓邪單于稱臣遺弟入侍。減戍什二。 Перевод см. в рукописи И. Бичурина (Всеобщая история, т. I, стр. 126, хранится в Рукописном отделе Института востоковедения Акад. Наук). Таким образом здесь налицо расхождение с показаниями ЦХШ.

положения вещей в Китае и роли гуннов, наконец, они были основаны на знании удельного веса шаньюйской аристократии в системе гуннского племенного союза.

Хоу Ин прекрасно понимал роль гуннского племенного союза как фактического союзника многих из угнетаемых господствующим классом Китая.

В эпоху Хань в Китае идет процесс массового порабощения свободного ранее населения, процесс роста закабаления свободного плебса Китая и развивается рабство.

Начнем со второго явления, т. е. рабства.

Китайские источники, а на их основании и синологическая литература, отмечают сильное развитие рабства, особенно в древнем Китае. Однако следует указать, что в целом буржуазное китаеведение вопросам рабства не уделяло должного внимания, считая его, очевидно, не существенным и не характерным явлением в системе феодальных отношений Китая. Представление о китайском феодализме, как абсолюте, было настолько устойчивым, что пересмотру это положение не подвергалось, и вопросы, связанные с исследованием института рабства, являются исключением в научной литературе.

Еще в 1837 г. француз Ed. Biot посвятил вопросам рабства небольшую статью.¹ Ed. Biot устанавливает, что иероглиф «ну» 奴 еще с XII в. до н. э., т. е. во времена Чжоу, обозначал рабов, вероятно, двух типов — государственных (esclaves de l'état ou du gouvernement) и частных (esclaves particuliers).² Источником, доставлявшим рабов, были пленники (prisonniers) из среды кочевников, которых E. Biot называет по старофранцузской традиции татарами, и преступники (criminels).

Если для времени Чжоу и неизвестно, были ли частные рабы, то в период Хань их наличие не подлежит сомнению. В 204 г. Гао Цзу издал указ, в котором разрешал продавать в рабство детей. По мнению E. Biot — «De cette ordonnance date devant la loi l'existence de deux sortes d'esclaves, ceux de l'état et ceux des particuliers».³

Характерно, что развитие рабства идет в результате разорения и крайней нищеты китайского населения. При У-ди (140—87 гг. до н. э.) количество рабов, переселенных на Желтую реку, достигло четырех миллионов человек.⁴ Государственных рабов было 300 000. Такое огромное количество рабов порождает необходимость узаконения института рабства, что и происходит в эпоху Хань. T. Pirron сообщает, что «Von der Han-Zeit ab findet sich in Gesetzen und Dekreten eine genaue Trennung von Staats- und Privat-sklaven».⁵

Однако общее количество частных рабов установить трудно. Известно, что император Ай-ди (6 г. до н. э. — 1 г. н. э.) узаконил количество рабов — у ленных князей (Lehenfürsten 侯王) по 200 чел., у дворянства (Hofadel 列侯) и царских принцесс (公主) по 100, у дворянства в главном городе (Adel in der Hauptstadt), у чиновников (Beamten) и богатых людей по 30 рабов. В эту цифру не входили рабы младше 10 и старше 60 лет.

¹ Sur la condition des esclaves et des serviteurs gagés en Chine. Journal Asiatique, 1837, III серия, т. III, стр. 246 и сл.

² Ук. соч., стр. 249.

³ Ук. соч., стр. 251. — Ср.: P i r r o n T o n i. Beitrag zum chinesischen Sklaven-system. Tokyo, 1936, стр. 13.

⁴ E. B i o t, ук. соч., стр. 251.

⁵ T. P i r r o n, ук. соч., стр. 13.

Государственные рабы пребывали в рабстве только до 50 лет, после чего они переходили в земледельческое сословие.¹

Как выше указывалось, источником рабства являлись, главным образом, пленники. Е. Biot пишет: «La classe des esclaves particuliers se compose 1) de prisonniers de guerre, 2) d'individus qui se vendent eux-mêmes ou sont vendus par d'autres, 3) d'enfants d'esclaves».²

В государственные рабы попадали, главным образом, пленники и преступники.³ Ван Ши-цзе отмечает четыре источника рабов: 1) преступники, 2) пленники, 3) рабская торговля и 4) дети рабов.⁴ Иногда источником рабов во времена голода и особо сильных экономических потрясений становилась личная продажа в рабство. Повидимому, этот источник рабства не был особенно велик, ибо даже при Гао Цзу в 202 г. был издан указ, который гласил, что люди, продавшие себя в рабство во время голода, должны быть освобождены и жить как свободные (Die Personen, die sich in Zeiten der Hungersnot selbst als Sklaven anderer Leute verkauft haben, sollen alle als gewöhnliche Bürger freigelassen werden).⁵

Такого типа указы, связанные с освобождением из рабства, повидимому, собственно китайцев, неоднократно повторялись и позднее, напр. при Ань-ди 安帝 в 107 г. н. э.⁶

Положение раба было чрезвычайно тяжелым. Т. Pirron пишет: «Der chinesische Sklave wird im chinesischen Recht genau wie der römische Sklave grundsätzlich als „Sache“ betrachtet».⁷ Тяжелое положение рабов было причиной их неоднократных восстаний. М. Granet,⁸ отмечающий широкое развитие латифундий и рабства в ту эпоху, ставит в прямую связь с восстаниями рабов, с кризисом рабского хозяйства знаменитые восстания «Красных бровей» (18 г. н. э.) и «Желтых тюрбанов» (184 г. н. э.).

Указанного достаточно для понимания того положения Хоу Ина, где он говорит, что рабы стремятся перебежать границу и что этому надо всячески препятствовать. Аристократический строй ханьского Китая, который даже Г. Масперо противопоставляет феодальному строю,⁹ находя в нем сочетание демократической федерации (рабовладельческих полисов?) с императорской автократией,¹⁰ был обусловлен и зиждился на латифундиальном хозяйстве и в значительной степени на рабском труде. Подрыв рабской системы любым способом был, конечно, неуютен правящему классу и против этого боролся Хоу Ин.¹¹

Характернейшей чертой ханьского периода является экспансия Китая на запад, попытки к овладению, в первую очередь, территорией Восточного Туркестана. Эта экспансия, вызванная прежде всего своеобразным эконо-

¹ Т. P i r r o n, ук. соч., стр. 15; ср. стр. 103; на стр. 91 и сл. дан перевод с китайского статьи Ван Ши-цзе 王世杰 «Das Sklavensystem Chinas» 中國奴婢制度. — Об этом указе см.: P i n g - H u a L e e. The Economic History of China, New-York, 1921, стр. 173.

² Е. B i o t, ук. соч., стр. 257.

³ Т. P i r r o n, ук. соч., стр. 40; ср. стр. 101.

⁴ Ук. соч., стр. 96 и сл.

⁵ Ук. соч., стр. 126.

⁶ Ук. соч., стр. 87.

⁷ Ук. соч., стр. 52; ср. стр. 94.

⁸ М. G r a n e t. Chinese Civilization. London, 1930, стр. 128.

⁹ Г. M a s p e r o. La Chine. Paris, 1925, t. I, стр. 49.

¹⁰ Ук. соч., стр. 50.

¹¹ Факты о рабстве в Китае, в частности об указах императоров дин. Хань — Гао Цзу, Вэнь-ди, У-ди, Юань-ди, Чэн-ди, Ай-ди, Ван Мана, Гуан У-ди, Шан-ди и Ань-ди — можно найти в энциклопедии Вэнь сянь тун-као, т. I, гл. II, стр. 118—121. В указанном сочинении имеются некоторые расхождения с вышецитированными данными. Так, напр., указ Ань-ди датируется 111, а не 107 г.

мическим развитием Китая, в известной степени, была попыткой разрешения экономического кризиса внутри Китая. В самом деле, захват Западного края увеличивал чисто количественно базу эксплуатации, давая новый источник продуктов земледельческого хозяйства, увеличивая земельную площадь, куда можно было переселять задыхающееся от безземелья, разоренное китайское крестьянство. В китайских источниках неоднократно описываются возможности Западного края для развития земледелия, в случае, если земли будут орошены.¹ Однако в Западном крае сталкивались интересы Китая с гуннами, которые видели в нем непосредственную базу своего земледельческого хозяйства.

Памятники колонизации Западного края, открытые известными экспедициями в Восточный Туркестан, прежде всего экспедицией Aurel Stein'a, вскрывают всю сложную систему китайской колонизации. Характерен уже тот факт, что Китай был вынужден на захватываемой территории строить весьма существенные укрепления, известный *limes*, представляющий собой систему крепостей с китайскими гарнизонами, удерживавшими край в повиновении.

Известно, что одни из первых поселений китайцев в районе Восточного Туркестана относятся к 77 г. до н. э., когда полководцем Фу Цзянь-цзу был завоеван район Лоу-ланя 樓蘭 и была организована военная колония И-сюнь 伊循. А. Stein подчеркивает значение этого поселения как буфера между Китаем и гуннами.² Характерно, что как раз в районе Лоу-ланя А. Stein'у удалось найти большую группу тканей китайского происхождения, сходных с находками в гуннском могильнике Ноин-Ула.³ Однако 77 г. — это не первая дата проникновения китайцев в Восточный Туркестан (см. выше), а дата древнейшего и наиболее крупного в нем поселения. Так, например, колонию Юй-мынь 玉門 Stein относит к 96 г. до н. э.⁴

Укрепление китайцев в Восточном Туркестане достигалось не только организацией военных поселений с гарнизонами солдат. Оно сопровождалось возведением линии оборонительных стен, т. е. *limes'a*. Описание и исследование этой линии укреплений мы найдем во втором томе упомянутого труда А. Stein'a, а план его на карте № 33, приложенной к тому же труду.⁵ *Limes* был не только военно-политическим мероприятием. Сам А. Stein сравнивает его с военными колониями Рима и австрийской «военной границей» на Дунае (в Венгрии и Кroatии).⁶ На ряду с *limes'ом*, как мероприятием военного значения, организовывались и земледельческие колонии. Еще в 119 г. до н. э. китайцы проводили ирригационные работы в бассейне р. Тарима, причем численность населения в этих колониях доходила до 5—6 тысяч человек.⁷ Характерно, что население этих колоний, в частности в районе *limes'a*, у Дунь-хуана состояло из преступников и ссыльных,⁸ количество которых во времена Хань было особенно велико. Вспомним, что это прежде всего было безземельное крестьянство, которое

¹ Ср. для позднего времени: St. Julien. Notices sur les pays et les peuples étrangers, tirées des géographes et des historiens chinois. Journal Asiatique, 1847, стр. 192.

² A. Stein. Serindia, t. I, Oxford, 1921, стр. 339.

³ A. Stein. Innermost Asia, т. III. — Ср. нашу статью «Гуннский могильник Ноин-Ула и его историко-археологическое значение» (Известия Отд. общ. наук Акад. Наук, № 4, 1937).

⁴ A. Stein. Serindia, т. II, стр. 726.

⁵ См. также т. III, стр. 1136 о *limes'e* ханьского времени.

⁶ A. Stein, ук. соч., т. II, стр. 745—750.

⁷ Ук. соч., т. II, стр. 743.

⁸ Ук. соч., т. II, стр. 725; ср. стр. 724, где он пишет об экспансии китайского императора У-ди в бассейне р. Тарима.

выступало против «законной» власти и каралось за это ссылкой в отдаленные области для их освоения. Однако из этого следует, что *limes* с его военными гарнизонами 戍卒 шу-цзу и разработанной системой управления от начальника *limes*'а 太守 тай-шоу до 尉史 юй-ши и 土史 ту-ши, начальников участков в 100 ли (*indigenous functionaries*)¹, был силой, долженствующей держать в повиновении не только завоеванные области и отражать набеги гуннов, но и собственно китайское население, представляющее для господствующего класса Китая далеко не благонадежную силу. Отсюда также ясно, что император не мог доверить Ху-хань-е границы как раз от Дунь-Хуана до Шань-гу, так как здесь были те элементы, которые симпатизировали гуннам.

Находки большого документального материала (юридические документы) показывают также систему многочисленных поборов и налогов с местного населения, служивших также причинами восстаний.

Документальный материал, главная масса которого относится к 65—56 гг. до н. э.,² рисует полностью картину хозяйственной и политической жизни края. Из всей серии вопросов, на которые имеются ответы в документах, отметим только некоторые.

Эд. Шаванн, суммируя данные документов, показывает, что даже солдаты китайского *limes*'а были весьма разнообразного происхождения. Одна часть их них происходила из китайских провинций Шаньси, Сычуань, Хэнань, другая набиралась на месте.³ Большое количество набиралось из «варварских» племен, различных ху 胡, жителей Гаочана 高昌 и др.⁴ Рядом с китайскими гарнизонами жило местное население. Таким образом в войске было значительное количество этнически близких к местному населению солдат. Возможно, что существовала и прямая родственная связь. Эта связь между частью гарнизона и местным населением усиливалась еще тем, что сами солдаты военных поселений занимались тем же трудом, что и местное население. Вряд ли внешним своим видом они отличались от местного населения, ибо, как сообщает Эд. Шаванн, солдаты были «sans l'épée et l'arbalète».⁵

Вся колония одновременно была и военной организацией и земледельческим хозяйством. «Ces soldats de garnison (戍卒) étaient donc en même temps des soldats laboureurs (田卒 ou 屯卒), ils formaient de véritables colonies militaires».⁶

Конечно, завоевание Восточного Туркестана не было лишь попыткой пристроить разорившееся китайское крестьянство, а имело ряд выгод (и они определяли его завоевание) для господствующего класса. В первую очередь это была крупная сырьевая база, поставщик продуктов земледельческого производства. Поэтому с проникновением политическим в Восточный Туркестан начинается и его экономическое ограбление. В упомянутом документальном материале мы находим этому свидетельство в виде расписок в получении тех или иных продуктов с местного населения на содержание военных гарнизонов. Цитируемые ниже расписки, хотя и относятся к более позднему времени, но думаю, характеризуют и рассматриваемую эпоху. Вот, например, документ № 484.

¹ Ук. соч., т. II, стр. 751.

² E d. C h a v a n n e s. Les documents chinois découverts par Aurel Stein dans les sables du Turkestan Oriental. Oxford, 1913, стр. VII.

³ Ук. соч., стр. IX.

⁴ Ук. соч., стр. X.

⁵ Ук. соч., стр. XV.

⁶ Ук. соч., стр. XIII.

«Reçu, pour la contribution du premier mois, 1 hou de blé non décor-tiqué. La vingt-deuxième année kien-wou, le mois intercalaire, le vingt-sixième jour qui est le jour kouei-sseu (20 février 46 p. c.) le capitaine de la compagnie Tchou-tsio, de P'ing-wang, (nommé) Li-pou, (a payé cela). Au moment de la réception, (signé par moi), le che (scribe) (nommé) Jen».¹

Таковы же документы № 485 (от 12 декабря 55 г. н. э.), № 486 (от 29 января 56 г. н. э.).

К более раннему времени (к периоду Ван Мана) относятся расписки в получении шелка и продуктов для снабжения гарнизона. Приводим образец такого типа документа:

«Administration du chef de poste de la section occidentale. Nous transmettons pour le neuvième mois (la liste) des soldats et des chiens de garde dont il faut fournir la nourriture; les noms des hommes sont comme ci-après».²

Приведенных фактов о взимании повинностей достаточно для утверждения, что в результате эксплуатации местного населения обстановка в Восточном Туркестане была сложной для Китайской империи и более благоприятной в стратегическом отношении для гуннов. Экономическое и политическое угнетение края, неблагонадежность гарнизонов и т. п. были достаточным основанием для заявления Хоу Ина о том, что «гуннов надо изолировать от Западного края».

Торговля также находилась всецело в руках китайцев, что документируется обильными находками китайских монет в местности ханьского времени, на территории Восточного Туркестана.³

Естественно, что, по сравнению с глубоко проникающей и разрушающей экономическое состояние населения Западного края экспансией Китая, гуннское господство было значительно легче. Вот почему жители Западного края всегда тяготели к гуннам, и в договорах Китая с гуннами неоднократно фигурировали указания о том, что гунны не должны принимать перебежчиков из Западного края.⁴

Если Восточный Туркестан представлял собой лакомый кусок в части экономической, то не меньшее значение он имел и в стратегическом отношении. Развитие торговых интересов Китая не могло ограничиваться претензией на Восточный Туркестан и тянулось дальше, в Среднюю Азию вплоть до Рима.

Как выше уже отмечалось, путешествие Чжан Цяня, а позднее поход Бань Чжао (97 г. н. э.) были вызваны этими стремлениями.⁵ Экономический стык со Средней Азией осуществлялся через Согдиану, купцы которой еще в начале I в. н. э. наполняли не только Среднюю Азию, но и Восточный Туркестан.⁶

¹ Ук. соч., стр. 107. — Местность Пин-ван обнаружена Ed. Chavannes, см. в док. №№ 313 и 314.

² Ук. соч., стр. 107—108, док. № 487; ср. фрагмент док. № 490, где говорится о получении 32 кусков (футов) шелка.

³ A. Ste in. Serindia, т. III, стр. 1136. — Найденные монеты, правда, относятся только к периоду Ван Мана и позднее. См.: J. All a n. Inventory list of coins found or obtained. . . , стр. 1343. — Монеты 7 года найдены в Лоу-лане.

⁴ О договоре Ван Мана с гуннами, гласящем, что они не должны принимать перебежчиков из Западного края, см. ЦХШ, гл. 94, стр. 19 г, а также у нас в статье «Гуннский могильник Ноин-Ула и его историко-археологическое значение» (Известия Отд. общ. наук Акад. Наук, № 4, 1937).

⁵ В. Бартольд. Сведения об Аральском море и низовьях Аму-дарьи с древнейших времен до XVII в. Изв. Турк. отд. Русск. геогр. общ., Ташкент, 1902, т. IV, вып. II, стр. 19—23.

⁶ Ф. Розенберг. О согдийцах. Записки Коллегии востоковедов, т. I, 1925, стр. 83.

Согдиана и Парфия становились мостками, связывающими Китай с Римом. Экономические связи древних государств в известной степени унифицировали систему общественных отношений древнего мира, противопоставляясь единой системе варварской периферии, которая со временем все более и более, хотя и стихийно, но все же объединилась. Несомненно, что существенную роль в этом стихийном объединении сыграл и Чжи-чжи. Это объединение не было механическим. Во всяком варварском мире мы наблюдаем общие моменты в формах взаимоотношений периферии с центром, вплоть до таких явлений, как общий ход восстаний рабов и крестьянского населения с набегами варваров. Но к этому мы еще вернемся ниже. Сейчас нам следует только указать, что периферия Китая, в значительной степени под его же влиянием, имела общие цели и задачи, а именно — свержение китайского господства. Вот почему в записке Хоу Ина предусмотрена необходимость борьбы не только с гуннами, но и с жителями Западного края, а в договоре Ван Мана с шаньюем У-лэй Жо-ди Сянь еще более подробно предусматриваются возможные враги Китая.

Вот почему в записке Хоу Ина предусматриваются и жители зависимых владений и западные цян и т. д. Передоверие границ Китая гуннам могло быть прежде всего чревато консолидацией всех этих племен, в то время как лозунгом Китайской империи было, по существу, «*divide et impera*».

Чрезвычайно важным моментом в записке являются указания на то, что к гуннам могут перебегать многие из жителей Китая, семьи тех, кто находится у гуннов («кто без вести пропал в походах»). Здесь помимо перебежчиков надо иметь в виду и другую категорию жителей.

История Китая показывает, что в нем, особенно в северных провинциях, в огромном количестве население было этнически близко с варварами севера. И до фактического отделения Китая от варваров, как мы это указали выше, их много осталось по южную сторону Великой Китайской стены, и после, мы имеем этому много свидетельств, гунны были на службе отдельных властителей уездов и неоднократно переселялись внутрь Китая.

Особенно много кочевых племен осело еще при последней дин. Цин. М. Гранет отмечает, что много китайских семейств носили имена варваров, вследствие того, что браки между варварами и китайцами были повседневным явлением (*The giving of name to a group of Barbarians has the object of regulating the marriages between it and the Chinese family groups*).¹ Выше мы также показывали, какие этнические связи были между варварами севера и Китаем.

Несомненно, что мимо этого обстоятельства нельзя пройти, ибо оно показывает, что этнически население севера Китая было близко к нападающим кочевникам, оказывало им симпатии и не могло быть надежной опорой китайскому государству.

В надежде получить в гуннском племенном союзе свободу оно стремилось всячески перебежать к гуннам.

Эта категория населения Китая была весьма многочисленной, почему она и упомянута в вышецитированной докладной записке.

Последние аргументы Хоу Ина посвящены значению Великой Китайской стены. Как уже известно, в ответе императора этот аргумент занял почетное место. Великая Китайская стена являлась, конечно, крупнейшим оборонным сооружением того времени. Как средство защиты против варваров-кочевников стены и валы характерны не только для Китая. Вспомним такие известные укрепления, как Траянов вал в Западной Европе, Дербентскую стену на Северном Кавказе, Кампыр-дувал в Средней Азии. Несомненно также, что назначение Китайской стены не органичивалось только

¹ М. Гранет. *The Chinese Civilization*, стр. 313.

ограждением земледельческой полосы от кочевников. Она может быть в большей степени служила для изоляции всех вышеперечисленных потенциальных союзников гуннов от совместных с ними действий. В этом мы видим главную ее государственную функцию. С этой точки зрения мы не можем согласиться с Wilhelm'ом, который, сравнивая Великую Китайскую стену с римским limes'ом, заявляет, что она является «ein Denkmal eines kolossalen menschlichen Willens», но не придает ей значения по существу, ибо Мао-дунь, несмотря на нее, сумел одержать такие победы над Китаем, что для того, чтобы добиться мирного союза с гуннами, императорскому дому понадобилось выдать за него замуж китайскую царевну.¹

Великая Китайская стена, выстроенная еще при дин. Цинь, была источником разорения огромного количества населения. Ее строительство не только разделило этнически однородную среду, что (как мы выше показали) послужило источником недовольства и беспокойства для государства Китая, но и включило в состав недовольных массу разоренного крестьянства. Добавим к этому тот факт, что в пограничные районы ссылались также все те, кто выступал против законной власти. Создание такого буфера между кочевниками и империей могло быть целесообразным (с точки зрения господствующего класса Китая) только в том случае, если сама стена будет в надежных руках и, конечно, не во власти гуннов. В противном случае роль стены будет низведена к нулю, ибо ее южная и северная стороны одинаково были обращены к врагам.

Анализ докладной записки Хоу Ина показывает, насколько сложны были взаимоотношения Китая с гуннами, насколько гунны были тесно связаны со всеми процессами социально-экономического порядка, которые мы в Китае наблюдаем. Несомненно, что гуннский вопрос для Китая был органическим и далеко необычным. С этой точки зрения можно утверждать, что гунны и Китай — это историческое единство определенной эпохи, и история Центральной Азии, равно как и история Китая, без рассмотрения обеих сторон бессмысленна.

И не случайно после падения гуннского племенного союза имя гуннов надолго было памятно Китаю. Им посвящаются специальные разделы и в более поздних династийных историях (Цзинь-шу), с ними связываются все позднейшие кочевники, занимавшие древнюю гуннскую территорию, и, наконец, гуннов вспоминает китайская поэзия. Так, например, Ли Бо李白 (705—762 гг. н. э.) очень образно описывает борьбу Китая с кочевниками, походы китайцев в Восточный Туркестан, особенно выделяя войны с гуннами.²

Вместе с тем в истории гуннов период Ху-хань-е и Чжи-чжи является весьма знаменательным и в других отношениях, а именно с точки зрения истории самих гуннов и мировой истории.

В истории гуннов период шаньюя Ху-хань-е обычно рассматривали как период деления гуннов на южных и северных. Выше мы отмечали, что этот раскол был осуществлением двух тенденций развития гуннского общества, чем и определялись две разные тактики поведения — продажа себя Китаю Ху-хань-е и сохранение военно-демократического строя в лице Чжи-чжи. Их резкие отличия друг от друга (а за их именами надо видеть огромные орды кочевников) прекрасно констатирует китайский источник устами министра (сы-ту-юань) Бань Бяо司徒掾班彪 при императоре Гуан У-ди (25—28 н. э.) в 52 г. н. э. Шаньюй северных гуннов предложил Китаю союз на основе мира и родства. Вспоминая в своем ответе импера-

¹ Richard Wilhelm. Geschichte der chinesischen Kultur. München, 1928, стр. 170—171.

² Ed. Chavannes, ук. соч., Введение, стр. XIX.

тору историю взаимоотношений гуннов и Китая, Бань Бяо центральным местом ответа делает историю Ху-хань-е и Чжи-чжи. Приведем отрывок из его ответа, сохраненный историей младшей дин. Хань. Бань Бяо указывал, что надо «в самом ясном виде представить им (сюнну, — А. Б.) прежние действия правительства (Китая, — А. Б.) в отношении к Ху-хань-е и Чжи-чжи», и далее он говорит: «Ху-хань-е и Чжи-чжи враждовали друг против друга. Сяо Сюань Хуань-ди (73—48 до н. э.) простер к ним свою милость и обоих спас, и поэтому оба послали своих сыновей ко двору в заложники и, назвавшись вассалами, обязались охранять границу. Впоследствии Чжи-чжи, благодаря своей враждебности, заградил источник императорских милостей. Ху-хань-е, напротив, приверженностью разительно доказал верность и сыновнее повиновение. Дин. Хань уничтожила Чжи-чжи. Таким образом, сохранив государство, (Ху-хань-е) передал его наследнику, и сыновья и внуки вместе царствовали».¹ Наконец, Бань Бяо резюмирует свое отношение, а тем самым и китайского двора к Ху-хань-е и Чжи-чжи: «Ху-хань-е и Чжи-чжи являются воплощением добра и зла».²

В этих словах Бань Бяо запечатлено отношение к двум группам гуннов. В чем заключалось зло северных гуннов по отношению к Китаю — нам уже известно. Однако к этому следует добавить и новые приводящие обстоятельства, а именно то, что северные гунны явились силой, которая мобилизовала всю периферию, создав этим самым единую угрозу Китаю и затруднив его действия в этих районах. Эта сила шаньюя Чжи-чжи и потревожила Китай. В 36 г. до н. э. против Чжи-чжи была отправлена военная экспедиция под руководством двух китайских полководцев — Гань Янь-шоу 甘廷壽 и Чэнь Тана 陳湯. Китайские войска настигли Чжи-чжи в его ставке, расположенной в восточных пределах племен кан-цзюй. Ставка была расположена в верховьях р. Талас (современная Киргизская ССР) у самых гор, т. е., повидимому, в истоках реки. Описание этого похода и ставки шаньюя Чжи-чжи на р. Дулай 都賴 (Талас) достаточно подробно не разбиралось в научной литературе, несмотря на то, что оно имеет особый интерес для истории нашей родины.³ Здесь Чжи-чжи был убит, что, однако, не ликвидировало объединения варварских племен севера Восточного Туркестана и Средней Азии.

Консолидация варварских племен севера имела существенное значение и в другом отношении. Это было началом движения кочевых племен на запад. Известно, что племена юебань, расположенные в древности, в V в. н. э., на территории между Тарбагатаем и Балхашем, были потомками северных гуннов. Кан-цзюй были, особенно при Чжи-чжи втянуты в гуннский племенной слой; юэчжи еще ранее при Мао-дуне разбитые гуннами, сейчас находились в тесных взаимоотношениях с ними. Мы не говорим о дин-линах и гяньгунь, которые были расположены еще северней и входили в состав гуннского племенного союза.

Вопрос о передвижении гуннов на запад издавна занимает историков Востока. Как нам представляется, еще не назрела пора решения этой проблемы. Во всяком случае, мы не знаем еще новых, решающих эту про-

¹ Хоу Хань шу, гл. 119, стр. 7 в и 8 г (в дальнейшем цитируется сокращенно: XXIII). — И. Б и ч у р и н, ч. I, стр. 121—124.

² XXIII, гл. 119, стр. 8 г: 喜惡之效呼韓邪至郅支是也.

³ Эти любопытные сведения заключены в биографиях этих полководцев, находящихся в 70-й главе Цянь Хань шу (см. стр. 9 в). Ср.: De Groot, ук. соч., т. I, стр. 229 и 234. — Ср. также: K. Shiraori. A Study on Su-t'ê 粟特, or Sogdiana, Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko, № 2, 1928, стр. 93. — См.: M. G o v e r n. The Early Empires of Central Asia. The University of North Carolina Press., 1939, стр. 191. См. нашу работу «Кенкольский могильник», Гос. Эрмитаж, 1940 г.

блему, источников. Укажу на мало известные по этому вопросу факты. В истории северной дин. Вэй (Вэй шу 魏書, 386—536 гг. н. э.) имеется любопытное указание о племени юэбань, гласящее:

«Государство Юэбань расположено от усуней на северо-запад, от Дай находится на расстоянии в 10 930 ли. Это кочевья, ранее принадлежавшие северному сюннскому шаньюю. Китайский полководец по имени Ду Сянь прогнал его; северный шаньюй перешел горы Цзинь-Вэй, пошел на запад к кан-цзюй, а слабые, которые не могли идти с ним, остались по северную сторону Кучийской земли».¹

В той же истории говорится о владении Су-тэ 粟特, что оно расположено на территории бывших владений Янь-цай 奄蔡 и Вэнь-на-ша 溫那沙 около большого озера 大澤. Отстоит оно от кан-цзюй 康居 на северо-запад, от Дай 代 — на 16 000 ли. Учитывая, что владение Ло-на 洛那國, Да-вань 大宛, т. е. Фергана, расположено от Дай на 14 500 ли, мы видим, что между Ферганой и владением Янь-цай всего 1500 ли, т. е. примерно около 1000 км. Отсюда следует, что Янь-цай было расположено не далее, как у Аральского моря, т. е. на территории алан.²

Владение Су-тэ было разбито гуннами, как гласит источник, которые убили его князя и овладели его землями. История дин. Вэй говорит, что владетель этих земель, т. е. гунн по происхождению, составлял уже четвертое поколение. Он назывался «князь Ху-ни» 王忽倪. Несомненно, что имя его — «Ху-ни» — есть ни что иное, как европейское название гуннов, отличное несколько от китайского наименования. Из изложенных фактов следует, что несомненна связь азиатских гуннов с западными. Разгром гуннами алан в районе Аральского озера есть исторический факт, хорошо всем известный и не требующий доказательств. Этот разгром алан гуннами произошел около 370 г. Характерно, что этому предшествовало продвижение гуннов в Среднюю Азию в лице юэбань.

Перечисленные выше факты, использованные в свое время F. Hirth'ом,³ несомненно свидетельствуют о передвижении какой-то части гуннов в Европу. Однако следует сказать, что нельзя преувеличивать чисто количественно размеры этого передвижения, ибо мы имеем свидетельства тому, как распадавшийся гуннский племенной союз ассимилировался местными населенными.

Приведем по этому вопросу следующие два факта. В Хоу Хань шу говорится: 北單于逃走鮮卑因此轉徙據其地。匈奴餘種留者尚有十餘萬落皆自號鮮卑 'Северный шаньюй бежал, и сяньби, пользуясь этим обстоятельством, заняли его земли. Оставшиеся сюннские роды, число которых было до 100 000 (кибиток), сами приняли название сяньби'.⁴

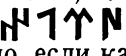
Этот отрывок чрезвычайно важен, так как он показывает, что значительная часть гуннов осталась на месте и вообще никуда не эмигрировала. Она слилась с новым племенным образованием — сяньбийским. Здесь же

¹ Вэй шу, гл. 102, стр. 7 v (в дальнейшем цитируется сокращенно: ВШ). — И. Бичурин, чч. II—III, стр. 163.

² ВШ, гл. 102, стр. 8 v; И. Бичурин, чч. II—III, стр. 166. — XXШ, гл. 118, стр. 13 г. — И. Бичурин, чч. II—III, стр. 121. — В ВШ говорится: 奄蔡國改名阿蘭邪國。居城屬康居. 'Владение Янь-цай было переименовано в А-лань-я; земли и города находятся в зависимости от кан-цзюй'.

³ Ueber die Wolga-Hunnen und Hiong-nu, стр. 268 и сл. — См.: его же, Mr. Kingsmill and Hiong-nu. JAOS, т. XXX, 1909, отд. отт., Leipzig, 1910, стр. 32—45.

⁴ XXШ, гл. 120, стр. 7 г. — События эти относятся к 93 г. н. э. — См.: И. Бичурин, ч. I, стр. 163.

указывается на бегство северного шаньюя, который, по словам Вэй-шу, положил начало племени юэбань. Юэбань, таким образом, является, повидимому, незначительной частью всей орды северного шаньюя. Племя же юэбань осело в районе Семиречья и, как правильно указывает F. Hirth, существовало под именем ögräp еще во времена тюркского каганата VI—VIII вв.¹ Следовательно, если какая-то часть юэбань сохраняется еще для VIII в. под именем ögräp, а юэбань являются лишь частью эмигрировавших монгольских гуннов, то гунны, которые разбили алан и владение Су-тэ в IV в. и бывшие, в свою очередь, лишь частью этих юэбань, вряд ли были особо многочисленными. Несомненно только, что возникновение гуннского племенного союза на Западе обязано какой-то части азиатских гуннов, число которых преувеличивать не следует.

Если мы перенесемся в это время на запад, то увидим, как процессы консолидации варваров там идут в тесной связи с ходом восстаний рабов в Римской империи. Образование сарматского союза у Боспора и германцы эпохи Тацита — это мощная, стихийная, антирабовладельческая сила. Мы не будем вдаваться в подробности и рассматривать соотношения этих племенных союзов. Ясно лишь, что известное единство, заключающееся в противопоставлении древней цивилизации варварского мира в мировом процессе, мы в это время наблюдаем. Однако значение северных гуннов не ограничивается тем, что они представляют собой часть этого единого процесса. Суть заключается в том, что северо-гуннский союз представлял собою наиболее активную силу, сформировавшуюся на территории Советского Союза, включавшую в свой состав множество племен далеких, и пусть не всегда прямых, но все же предков наших современных народов СССР.

С Чжи-чжи начинается движение племен на запад. Получившая, благодаря развитию военно-демократического строя, способность к большим военным операциям, масса племен своим движением на запад начинает собой эпоху «великого переселения» народов.

Это движение, имевшее своим результатом известное объединение разнообразных племен, появление общей культуры варварского типа с ее отдельными локальными проявлениями, как известно, было чревато и общими результатами в области социальных отношений внутри тех стран, которые получили удар со стороны варваров. Известно, что принес 476 г. Риму — это был конец рабовладельческой системы. На Востоке конец V в. для сасанидской Персии — дата также немаловажного значения — это эпоха маздакитского движения, в котором не последнюю роль играли кочевники-эфталиты.

Несколько ранее существенный удар получает и Китай, в котором к концу IV в. кочевники завоевывают северные провинции и образуют известную варварскую династию Тоба-Вэй. Завоевание кочевниками Северного Китая — особая тема исследования; здесь нам только важно указать, что даже буржуазные ученые, типа M. Granet, указывают, что это был расцвет феодализма, уничтоживший старые латифундии и рабство.

У нас также имеются факты, говорящие о том, что завоевание кочевниками Северного Китая имело своим результатом сильное снижение рабства.

Приведенного достаточно для выдвижения, в порядке рабочей гипотезы, положения о том, что варварское окружение Китая, так же как и Рима, в своих действиях было единым, преследовало одни и те же задачи и значительно позднее привело к одним и тем же результатам. Так как варварскому завоеванию Рима предшествовал поход Атиллы на Запад, а западногуннский

¹ Ср.: П. Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-Тегина. ЗВО, т. XII, вып. II—III.

племенной союз был генетически в сильной степени связан с Востоком, в частности с северными гуннами и их потомками типа юэбань, то мы считаем возможным выдвинуть положение о том, что раскол гуннов на северных и южных являлся актом всемирно-исторического значения, поскольку он был началом великого переселения народов и, в конечном счете, разгромом рабовладельческой системы. Поэтому Ху-хань-е и Чжи-чжи, связанные с южными и северными гуннами, должны занять в исторической науке место не меньше, чем тот же гунн Мао-дунь или Аттила.

И. В. Сталин говорил, что «не-римляне, т. е. все „варвары“, объединились против общего врага и с громом опрокинули Рим».¹ Изучение гуннской проблемы показывает, что действительно в гибели Римской империи существенную роль сыграли племена, объединенные в гуннском союзе. Гуннский племенной союз, известный на Западе, в основной своей массе сформировался на древней территории СССР. Этим самым естественно должен увеличиться интерес к затронутой нами теме, поскольку есть все данные ставить несколько иначе вопрос о гибели Римской империи. Постановка этого вопроса И. В. Сталиным, с подчеркиванием роли всех «не-римлян», а отнюдь не только германцев, должна мобилизовать внимание исследователей и на роль древних племен на территории СССР. В первую очередь это касается племен гуннского союза.

С этой точки зрения вряд ли можно назвать этот период периодом «поражения и упадка».² Если это был упадок гуннов в Центральной Азии, то в то же время это было начало нового подъема варварского мира, во многом обязанного Чжи-чжи.

Скудные биографические данные о Чжи-чжи не должны влиять на нашу оценку его исторической роли. Поскольку исторические источники дают нам право оценить роль Чжи-чжи и Ху-хань-е в истории гуннов, на основании, в частности, косвенных данных, то мы в праве заявить о необходимости внести в список знаменитых исторических лиц имена и этих двух шаньюев, в том случае, конечно, если наша трактовка значимости рассматриваемого периода будет в основных частях принята.

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма. Изд. 10-е, стр. 547. — Разрядка наша, — А. Б.

² Е. Parker. A Thousand Years of the Tartars. Shanghai, 1895, стр. 41 и сл.